

Глава III. Непокорная молодость

Нестор Махно родился 27 октября 1888 в Гуляй-Поле, большом селе на реке Гайчур, Александровского уезда Екатеринославской губернии. Гуляй-Поле обозначает «поле для ярмарки, для гулянья» и называют так, потому что с незапамятных времен здесь часто происходили ярмарки, знаменитые на всю округу. Запорожские казаки обосновались здесь более чем на два столетия раньше, этим объясняется тот факт, что село было разделено по военному признаку на роты или сотни. Когда Екатерина II отдала приказ о разрушении Сечи, много запорожских казаков не подчинилось и покинуло родные места; те, кто не смог или не успел, были превращены в крепостных. Гуляйпольские казаки по капризу какого-то фаворита императрицы были отданы некоему Шабельскому.

В начале XX столетия Гуляй-Поле насчитывало около десяти тысяч жителей²⁴¹ и немного позже, в 1917 году – около двадцати пяти тысяч, оно было центром волости, здесь находился комиссар волостной полиции, мировой судья и сельский староста; в селе было две православных церкви, синагога, три школы, медпункт и отделение почты и телеграфа. Два завода, Кригера и Кернера, производили сельскохозяйственный инвентарь, используя дешевую местную силу. Были здесь также две паровые мельницы, много ремесленных мастерских и несколько маленьких предприятий. Большинство земель принадлежало крупным землевладельцам, тогда как крестьяне владели 45% пригодной для обработки почвы; самые бедные из них – батраки – работали на помещиков, которые, кроме того, нанимали сезонных рабочих, приезжавших из Полтавской и Черниговской губерний на сезон полевых работ. В семи километрах находился вокзал, расположенный на железнодорожной линии Синельниково–Чаплино–Бердянск. На дороге, связывающей Гуляй-Поле с вокзалом, царил оживленный движение: из Гуляй-Поля и окрестных сел везли пшеницу, муку и сельскохозяйственные машины, а обратно – кокс и железную руду для разных местных предприятий.

Нестор был пятым и последним сыном Ивана Махно и Евдокии, в девичестве Передерий. Его родители, до отмены крепостного права царем Александром II в 1861, были крепостными помещика Шабельского. Поскольку земельный участок был недостаточным, чтобы прокормить семью, отец продолжал работать конюхом у бывшего хозяина. После рождения Нестора он нанялся кучером к богатому еврейскому промышленнику Кернеру, владельцу завода сельскохозяйственных машин, паровой мельницы и 500 га земли, которую он сдавал в аренду немецким колонистам. Вскоре, когда Нестору едва исполнилось одиннадцать месяцев, отец умер, оставив вдову совершенно без средств существования с пятью малолетними сыновьями на содержании.

В этих условиях раннее детство Нестора было отмечено крайней нуждой, отсутствием игр и радостей этого возраста. Матери пришлось отдать его в семью богатых бездетных крестьян, которые намеревались его усыновить. Через несколько недель по настоянию старших братьев она его взяла обратно, потому что он чувствовал себя несчастным у этих крестьян. В восемь лет Нестор пошел в сельскую светскую школу. Поначалу он был хорошим учеником, затем начал пропускать уроки и вместе с одноклассниками-сорванцами посвящал целые дни «изучению» катания на коньках и разным играм. Эти «подпольные занятия» длились целыми неделями до тех пор, пока в один прекрасный день лед не проломился, и он чуть не утонул в ледяной воде. Этот случай, должно быть, и стал причиной слабости его легких, сыгравшей фатальную роль впоследствии, во время «купания» его одежда заледенела, и он оставался некоторое время в таком состоянии, прежде чем нашел убежище у своего дяди и получил помощь.

Мать «полечила» Нестора надолго запомнившейся поркой. Он вернулся в школу и стал хорошим учеником до лета, когда он нанялся погоняльщиком волов к зажиточному крестьянину Янсону за плату в 25 копеек в день. Наибольшей радостью для мальчика было, преодолев одним махом семь километров, отделявших его от родного дома, принести свою недельную плату матери. Только эта мысль позволила ему выдержать все лето, несмотря на два удара кнутом за незначительную провинность, которые он получил от жестокого помощника управляющего. За эту работу маленький девятилетний Нестор получил всего двадцать рублей, свой первый заработок, полностью отданный матери, к которой он был всегда очень привязан.

Его братья также работали батраками и помогали очень нуждавшейся матери. Если верить воспоминаниям гуляйпольского крестьянина Анатолия Гака, нашедшего в последствии убежище в Канаде, хата семьи Махно, находившаяся на окраине села, была чрезвычайно бедной: во дворе не было – уточняет он – ни птицы, ни свиней, ни обычного для украинских хат украшения.

Нестор вернулся в школу осенью и оказался хорошим учеником по математике и, особенно, в чтении, первый признак его ораторского таланта. К сожалению, на этом его учеба закончилась, поскольку к концу учебного года положение семьи стало настолько критическим, что он вынужден был работать круглый год, хотя ему было только десять лет. Из-за этого печального обстоятельства Нестор чувствовал «какой-то гнев, злость и даже ненависть, против богатого собственника» у которого он работал, и особенно, против его потомства: «Против этих молодых бездельников, проходящих часто мимо меня, свежих и ловких, сытых, чисто одетых, пахнущих духами, тогда как я, грязный, оборванный, босоногий и провонявшийся навозом, подстилал солому телятам²⁵²».

С этого момента Нестор начал осознавать социальную несправедливость, хотя рассуждал он еще как смиренный раб, считал, что «таков порядок вещей»: помещик и его семья – «хозяева», а ему платят за неудобство – от него пахнет навозом.

Прошли годы Нестор «поменял» телят на лошадей, смирясь волей-неволей со своей судьбой до тех пор, пока однажды он не стал свидетелем сцены, которая оставила в нем неизгладимый след. Сыновья хозяина, управляющий и его помощник имели обычай жестоко

пороть конюхов за малейшую погрешность. Из-за «темноты ума» Нестор вынужден был смириться с этим подлым зрелищем и как «истинный раб» старался, как и все остальные вокруг него, отвести глаза, сделать вид, что ничего не видит и не слышит. Однако мать ему рассказала, как во времена крепостничества ее саму, еще ребенка, дважды били палками только за то, что она по праву отказалась выполнить не свою принудительную работу. Она должна была прийти на крыльцо большой господской усадьбы, чтобы получить пятнадцать ударов палками в присутствии «хозяина». Мать рассказывала ему также о героической борьбе за свободу их предков запорожских казаков, против врагов всех мастей.

Так, в один летний день 1902, юный Нестор, в возрасте тринадцати лет стал свидетелем обычной сцены: сын помещика, управляющий и его помощник начали ругать, а затем избивать второго конюха, в присутствии всех остальных конюхов «ни живых, ни мертвых от страха перед гневом хозяев». Нестор не выдержал и побежал предупредить первого конюха, батька Ивана, подрезавшего хвосты лошадям в стойле. Узнав обо всем батько Иван, полный стихийной силы, ворвался как в приступе безумия в помещение, где происходило «наказание», набросился с кулаками на «молодых господ» и их подручных. Атакованные нападающие разбежались в панике, кто через окно, кто в первую попавшую дверь. Это стало сигналом к бунту: возмущенные поденщики и конюхи пошли все вместе требовать заработанное и увольняться. Старый помещик испугался и покладисто попросил простить «глупость своих молодых наследников», остаться у него на службе. Он даже пообещал, что никогда больше ничего подобного не повторится.

От батьки Ивана, комментировавшего происшествие, юный Нестор услышал впервые в жизни бунтарские слова: «Никто не должен здесь мириться с позором быть битым ... а ты, мой маленький Нестор, если когда-нибудь кто-то из хозяев тебя ударит, хватай первые попавшие под руки вилы и воткни в него». Этот совет, одновременно поэтический и дерзкий, произвел жуткое впечатление на молодую душу Нестора и заставил его осознать свое достоинство. С тех пор он держал под рукой на всякий случай вилы или другое орудие.

Год спустя Нестор оставил свою работу конюха и нанялся по совету старших братьев учеником на местный литейный завод. Здесь он обучался «ремеслу отливания колес для жаток».

Между тем, положение семьи значительно изменилось. Три самых старших брата, Карп, Савва и Емельян, женились и стали жить отдельно. Только Нестор и старший брат Григорий оставались на содержании матери. Некоторое время спустя Нестор оставил завод и нанялся продавцом к торговцу вином. Через три месяца он бросил это занятие, казавшееся ему мерзким. Возможно, после этого опыта он сохранит отвращение к вину и алкоголю, несмотря на все распространявшиеся рассказы о его якобы склонности к пьянству.

Тогда Нестор занялся четырьмя гектарами принадлежавшей матери земли, обрабатывая ее единственной лошадью. Работал он нерегулярно, главным образом, чтобы помочь братьям; он нанялся, например, на время к малярам, только чтобы выручить братьев.

В 1904 г. один из братьев, Савва, был мобилизован и отправлен на русско-японскую войну. Настала революция 1905 года. События захватили Нестора и подтолкнули к чтению

подпольной политической литературы. Вначале он попал под влияние социал-демократов, соблазненный «их социалистической фразеологией и ложным революционным пылом». Однако в начале 1906 он познакомился с гуляй-польскими крестьянами-анархистами и вскоре стал приверженцем их группы. Эта группа была организована Владимиром Антони и Прокопом Семенютой. Антони, сын чешских рабочих-иммигрантов и сам работавший токарем, оказал решающее влияние на Нестора, «изгнав навсегда из его души последние малейшие остатки духа рабства и покорности любой власти».

Крестьянская группа анархо-коммунистов Гуляй-Поля действовала в тяжелых условиях, так как царские репрессии были в разгаре: во всей стране было введено чрезвычайное положение, свирепствовали военно-полевые суды, карательные отряды расстреливали «предполагаемых» зачинщиков бунта. В Гуляй-Поле на всякий случай стоял отряд донских казаков, который проводил ничем не оправданные репрессии против мирных жителей. Анатолий Гак описывал увиденную им сцену, когда два донских казака ввели с саблями наголо сельского учителя, а третий сзади бил его прикладом винтовки, приговаривая при каждом ударе «Вот тебе, сволочь, за твою революцию!263».

Несмотря на эту обстановку, гуляйпольская группа анархистов собиралась регулярно, по крайней мере, раз в неделю, иногда чаще, в количестве от десяти до пятнадцати членов. Махно вспоминает с грустью эти собрания. «Эти ночи (мы собирались чаще всего ночью) были для меня полны света и радости, мы крестьяне, знавшие так мало, собирались: зимой в хате у одного из нас, летом в поле, около пруда, на зеленой траве; или же, время от времени, среди дня, как гулявшая молодежь. Мы собирались, чтобы обсудить вопросы, которые нас интересовали».

С этого момента, Нестор с головой ринулся в борьбу за социальную революцию.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 18 апреля 2025 22:00:09

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 18 апреля 2025 22:01:10